

**МНОЖЕСТВЕННЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ МЕЖДУ
ТЕОРИЕЙ И ПОЛИТИКОЙ (ПРИМЕР ДАГЕСТАНА)**

Доминирующая в российской науке и в общественно-политической практике эссенциалистская трактовка этничности как строгой группы с эксклюзивным членством уже давно пришла в противоречие с культурным разнообразием, идентификационными сложностями, этнической динамикой и подвижностью. Советская теория этноса старалась приспособиться к этому вызову тем, что ввела разные понятия, обозначающие как групповую иерархию ("этнос – субэтнос" и "подразделения этноса"), так и изменение динамических состояний групп ("этнические процессы" и "переходные группы") (Бромлей 1983). Суть этих модификаций советского теоретического примордиализма состояла в том, что внутри архетипического коллективного тела под названием *этнос* допускалось существование своего рода составляющих его частей или отличительных ячеек, которые разные специалисты называли по-разному – *субэтносы*, *этнические группы*, *этнографические группы*, *народности*. Составляющие части – это когда этнос делится на две или три отличительные части (например, мордва состоит из *мордвы-эрзя* и *мордвы-мокша*, чукчи делятся на *береговых чукчей* и *лесных* или *оленных чукчей*, осетины делятся на *дигорцев*, *кударцев* и *иронцев*). Ячейки или группы – это когда внутри большого гомогенного тела имеются некоторые культурно-отличительные сегменты (*тептяри* и *мишари* среди татар, *поморы* или *казаки* среди русских, *тувинцы-тоджинцы* среди тувинцев, *коми-пермяки* среди коми).

Категория "переходной группы" была изобретена для объяснений некоторых этнографических реальностей зарубежного мира, чтобы поместить в категорию иммигрантские сообщества, которые якобы пребывают в процессе неизбежной ассимиляции и, потеряв свою принадлежность к "материнскому этносу", еще не стали частью этноса или этносов страны пребывания. Эта концепция была разработана М.Я. Берзиной на материалах Канады, но использовалась для других стран и регионов (Берзина 1971; Пучков 1979). Наконец, существовала еще конструкция "этноса в широком смысле слова" (этносоциальный организм – ЭСО) и "этноса в узком смысле слова" (этникос), которая применялась скорее как академическое оправдание системы этнотерриториальных автономий внутри СССР (украинцы в Украинской Республике – это ЭСО, все украинцы в мире – этникос).

Все указанные модификации позволяли позднесоветскому академическому примордиализму объяснять мировую культурную мозаику, включая и СССР, но они никак не дошли до уровня общественных практик. В Советском Союзе в общественном менталитете и в государственных процедурах утвердился принцип "национальности" как единичной и обязательной принадлежности каждого гражданина к определенной этнической общности, а фиксация этой принадлежности осуществлялась через систему внутренних паспортов на индивидуальном уровне и через систему статистического учета в переписях населения на коллективном уровне. Что касается разработки номенклатуры национальностей, то эта функция была закреплена за статистическими органами в кооперации с академической наукой. При первой разработке этой конструкции в переписи 1926 г. участвовали этнографы, географы и другие ученые в составе специальной комиссии (Hirsch 2005). В последующем разработка "списка народов" перешла к Институту этнографии АН СССР в сотрудничестве со специалистами

Валерий Александрович Тишков – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института этнологии и антропологии РАН.

Энвер Фридович Кисриев – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором Кавказа Центра цивилизационных и региональных исследований РАН.

ЦСУ СССР. Таким образом, в этом деле играли важную роль не только ученые-этнографы, но и специалисты-статистики, о чем свидетельствует книга одного из старейших сотрудников ЦСУ А.А. Исупова (*Исупов 1961*).

В советское время вопросам национальности и языка в переписях населения всегда придавали особое значение. Это вызывало жестокие коллизии как между этническими элитами советских национальностей, так и между властями и наукой. Смысл этих коллизий был почти всегда одинаков. Власти и этнические элиты доминирующих (титულных) групп были заинтересованы в унификации и интеграции этнической мозаики во имя определенного числа "социалистических наций", к которым относились только те общности, которые имели "свою национальную государственность" (союзные и автономные республики). Лидеры и активисты малых групп ("двойных меньшинств", т.е. "нетитульных" меньшинств на территории союзных и автономных республик), представители дисперсных групп и депортированных народов, лишенных территориального статуса, вместе с академической наукой выступали за фиксацию и посредством ее за признание всех известных этнических групп, представители которых сохраняли собственную идентичность. В более сложном положении оказывалась научная интеллигенция в республиках, которые находились под жестким контролем местных властей и которые прежде всего обслуживали местные титульные этнонационализмы. Так, азербайджанские этнографы доказывали существование в республике "мононации" азербайджанцев, отказывая в признании лезгинам, талышам, курдам, езидам. Партийное руководство Азербайджана неоднократно жаловалось в Москву на Институт этнографии, который упоминал эти группы в своих изданиях, на этнографических картах и в списке народов для переписи населения. Дагестанских ученых больше всего беспокоило утверждение аварско-даргинского культурного доминирования, и они никогда не выступали за права и интересы малочисленных народов, которых не считали самостоятельными группами. И такой ситуация была во всех союзных и автономных республиках (*Шнирельман 2005*).

Горбачевская либерализация вызвала вместо советского идеологического монолита рост периферийных национализмов и этнокультурного партикуляризма. Под вопрос была поставлена система академических предписаний и верхушечного политического регулирования сферы этнической идентичности. В условиях радикальных социальных трансформаций этничность (национальность) гражданина во многих аспектах оказалась более значимой, чем социальные и профессиональные характеристики, особенно в этнотерриториальных автономиях Российской Федерации. В то же самое время усложнились запросы граждан, связанные с их этнической принадлежностью. Появились лоббисты малых групп, сторонники переидентификации, энтузиасты смены групповых названий, любители возрождения древних корней и еще многие, для которых игра в этничность и поиск корней стали своего рода компенсацией кризиса национальной российской идентичности и одной из наиболее доступных форм коллективной солидарности в условиях быстрых перемен и конкуренции. В ряде регионов этничность являлась главной игрой, точнее, главной ставкой в конкуренции за власть и за ресурсы. Именно таким регионом была Республика Дагестан, где старые схемы и новые виды конкуренции в сфере межэтнических отношений в драматической форме столкнулись с российской академической схемой и бюрократической процедурой во время проведения переписи населения 2002 г. Сходные коллизии наблюдались и в других регионах накануне и во время переписи (*На пути к переписи 2003; Этнография переписи 2003*), но нигде конфликт теории и политики вокруг вопроса этнической идентификации не сказался столь серьезным образом на проведении переписи, на качестве и достоверности полученных материалов.

Почему Дагестан? Дагестан в этническом и языковом отношении чрезвычайно многообразен и потому этнологическое исследование местного общества представляет значительную сложность. В равной мере этнический фактор играет большую роль

в общественной жизни и политике современного Дагестана. Известно, что к концу советского периода в республике установилась номенклатура из 14 национальностей, регистрируемых всеми официальными документами. Их перечень обычно дается не по алфавиту, а по мере уменьшения численности: *аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, русские, табасаранцы, азербайджанцы, чеченцы, ногайцы, рутульцы, агулы, цахуры и таты*. Их статус в качестве именно "дагестанских" национальностей никогда и никем специально не формулировался, но никогда и не подвергался сомнению. По-видимому, в общественном сознании статус "дагестанской национальности" придавал им тот факт, что только эти народы представлены в республике в составе исторически сложившегося сельского населения.

Данная номенклатура национальностей начала складываться с 1920-х годов и развивалась на протяжении нескольких десятилетий. Так, ряд малочисленных общностей, считавшихся по переписи 1926 г. группами лезгин (*табасаранцы, рутульцы, агулы и цахуры*), в переписи населения 1959 г. получили статус отдельных национальностей. В то же время 13 самостоятельных в языковом отношении этнических андо-цезской языковой группы (*андийцы, ахваццы, багулалы, бежтинцы, ботлихцы, гинухцы, годоберинцы, гунзибцы, дидойцы, каратинцы, тиндинцы, хваршины, чамалалы*) и одна группа с языком лезгинской языковой группы (*арчинцы*) были отнесены к аварской национальности. Точно так же ранее самостоятельные группы *кайтмагцев* и *кубачинцев* тогда же были отнесены к даргинцам. Все эти и ряд других государственных упорядочений этнической номенклатуры, происходивших в СССР на протяжении нескольких десятилетий, были отражением общей установки на конструирование социалистических наций, часто из множества партикулярных идентичностей (этнических, религиозных, территориальных, клановых), на сближение наций и на консолидацию местного общества и советского народа в целом.

В Дагестане этот процесс имел впечатляющие результаты в смысле формирования ряда крупных наций, а также общedaгестанской идентичности. Эти установки и усилия имели под собой не просто идеологическую основу, но и некоторые исторические и социокультурные факторы в форме этнически сложных групповых идентификаций. Начнем с того, что в досоветском Дагестане вообще не было идеи "национальности" и, следовательно, – нынешней номенклатуры народов. Отсутствовала также концепция "этнической общности". Здесь различали *джамааты* – отчетливые атомарные политические целостности полисного типа. Они объединялись на добровольной или добровольно-принудительной основе в союзы – федерации или конфедерации джамаатов. Большой объем письменных источников, содержащих политико-правовые документы, сохранившихся до нашего времени, достаточно полно характеризует внутреннее устройство джамаатов и характер их взаимоотношений и, главное, определяющую значимость джамаатской идентичности традиционного дагестанца (*Kisriev 2004: 123–158*).

Складывание нынешних "дагестанских народов" – аварцев, даргинцев, лезгин, лакцев и других происходило уже в советский период. Этот процесс осуществлялся в рамках принятых в марксистско-ленинской теории национальных отношений понятий "нация" и "народность" (*Connor 1984*). Современные дагестанские национальности складывались "сверху" как результат принимаемых органами власти решений по установлению "научно обоснованной" номенклатуры национальностей и их регистрации в актах гражданского состояния и в ходе переписей. Конечно, при этом принимались во внимание этнографические характеристики и существующие среди населения идентификации. Причем факторами, определяющими конструируемую национальную идентичность, не обязательно были характеристики "этнического родства". Множество джамаатов андо-цезских народов были политически тесно связаны с Аварским ханством – союзом джамаатов, расположенном на горе "Хунзах" (Хунзахском плато). Хунзах, или Авария (аварцами называли в традиционном Дагестане только хунза-

хцев), был важнейшим политическим и культурным центром всего Нагорного (северо-западного) Дагестана. Язык войска (*болмац*) всех объединенных сил джамаатов и их союзов этой части Дагестана сформировался на основе языка жителей хунзахского плато. На той же основе развивалась общая фольклорная, а затем и литературная традиция всех жителей этого региона. Знание языка болмац, т.е. "аварского" языка, помимо своего, джамаатского языка, было необходимостью для каждого социально активного горца этой части Дагестана. В качестве примера можно привести джамаат Мегеб, который исторически населяют этнические даргинцы, но он расположен в окружении аварских джамаатов и всегда был тесно с ними связан. Все мегебцы хорошо знают аварский язык, считали и считают себя аварцами и этот факт никогда и никем не оспаривался. Между тем они знают и пользуются также родным даргинским языком.

Интеграция андо-цезских народов с "аварцами" в XX в. в контексте "национального строительства" оказалась достаточно естественной. Характерно, что аварцы – жители аварских джамаатов, не принадлежащие к аварцам Хунзаха и говорящие на своем диалекте аварского языка, – часто говорят хуже на литературном аварском языке, чем представители джамаатов ботлихцев, годоберинцев, хваршинов и других, у которых есть свои, самостоятельные языки. Таким образом, формирование единого "аварского народа" не было только произвольным делом аварского руководства республики. Дело в том, что тогда "этническая интеграция аварцев" идеологически обосновывалась "процессом расцвета и сближения близких этносов в единую общность". При этом с аварцами оказалась интегрированной и одна "лезгинская" группа – *арчинцы*, численность которых тогда не достигала и 1 тыс. человек. Аварское руководство могло бы без особых потерь для себя "уступить" арчинцев лезгинам или выделить их в отдельный народ, как это случилось с цахурами, агулами и рутульцами. Так бы и произошло, если бы вопросы этнокультурной идентификации находились бы целиком в ведении администраторов. Но этого не случилось по той причине, что арчинцы в свое время сами посчитали себя аварцами, поскольку многие века были, как и андо-цезские народы, в общем ареале геополитического и социокультурного доминирования Хунзаха. Именно поэтому советская этническая инженерия не вызывала в свое время сколько-нибудь значимых противодействий, да такие противодействия и не допускались в условиях тоталитарного режима.

Проблема состояла в том, что создание новых более крупных наций исключало возможность сохранения малых идентичностей, ибо теория и политико-бюрократическая процедура не допускали двойную групповую принадлежность, т.е. отрицался сам феномен множественной идентичности. Как один футболист не может сразу играть в двух командах, так и человек не может быть членом двух наций одновременно. А это значит, что для признания остается место только одной группе. Другая культурно схожая единица должна войти в ее состав без какого-либо статуса или исчезнуть. Однако в Дагестане не произошло, как и в других схожих случаях, исчезновения культурной специфики и малых идентичностей. Они продолжали сосуществовать в сознании многих дагестанцев одновременно с лояльностью к статусным национальностям и с общедагестанской идентичностью.

В начале 1990-х годов в ситуации конкурирующей и политизированной этничности местные малые идентичности оказались вновь актуализированы. Этому способствовало то обстоятельство, что в политической структуре постсоветского Дагестана этническое представительство стало играть важнейшую роль. По Конституции Республики Дагестан 1994 г. формирование институтов высшей власти напрямую увязывалось с этнической принадлежностью их состава. Проблема определения этнического статуса начала приобретать политическую значимость. Поскольку в Государственном Совете РД и при формировании депутатского корпуса Народного Собрания в расчет принимались именно 14 национальностей, то с середины 1990-х годов в среде этниче-

ских элит нестатусных групп стали возникать требования выделиться в отдельную национальность. Достижение этой цели позволяло получить представителю той или иной этнической группы гарантированное место в составе Госсовета РД, численный состав которого в таком случае следовало бы расширить, а также в республиканском парламенте. Аргументация этих требований была, например, такой: «Почему цахуры, численность которых не превышает 5–6 тыс., имеют своего представителя в Госсовете и гарантированное место в парламенте, в то время, как андийцы, входящие в состав аварской национальности, с численностью в 30–35 тыс. человек, не имеют такого права, хотя обладают столь же значимыми "этническими признаками", а именно самостоятельным языком, территорией проживания, самосознанием и т.д.»

В результате в республике среди представителей малочисленных этнических групп, входящих в состав наиболее крупных дагестанских национальностей, появились и начали укрепляться движения за приобретение самостоятельного этнического статуса. Для того чтобы добиться этого, достаточно было настоять на том, чтобы эти нестатусные группы были включены отдельной строкой в "список народов России", который служит основным ориентиром в проведении и публикации итогов переписи населения. Известны случаи проведения "съездов народов", например, андийцами, а также публичные высказывания авторитетных деятелей из числа дидойцев, каратинцев и других групп. В местной газете Цунтинского р-на распространялись призывы указывать в качестве национальности не "аварцы", а "дидойцы" или "цезы", а в качестве "родного языка" – дидойский.

Серьезный резонанс в Дагестане вызвали суждения некоторых авторитетных московских этнологов накануне переписи и в ходе ее подготовки, что андо-цезские народы были "насильственно присоединены к аварцам". Не говоря о сильном политическом резонансе этих суждений, они не верны по существу. Не возвращаясь к высказанным выше теоретическим аргументам, укажем, что утверждению такого мнения в научных кругах, по всей видимости, способствовали два распространенных в научной среде предубеждения: что все вопросы этнического характера при коммунистическом строе решались сугубо начальственным произволом и грубым администрированием и что любой этнос, обладающий самостоятельными "этническими признаками", не может желать добровольной идентификации с "другой" национальностью.

В силу названных выше обстоятельств в Дагестане вопросы фиксации в ходе переписи населения этнической идентификации и численности каждой национальности обрели особый общественный интерес. Эта заинтересованность процедурами переписи и ее итогами концентрировалась вокруг двух главных вопросов: какие культурные идентичности имеют право на статус "национальности", означающее возможность попасть в признанную местной властью номенклатуру национальностей и какие изменения произойдут в численности дагестанских национальностей, т.е. в их политической значимости, "весе" при распределении высших (и не только высших) государственных должностей. Одни представители этнических элит, создавшие в годы перестройки неформальные структуры (своего рода этнопартии) (*Kisriev 2003: 116*), ставили своей целью внести изменения в этническую номенклатуру, т.е. добиться самостоятельного "национального" статуса для "своих" групп, другие – контролировать ход переписи с тем, чтобы способствовать сохранению статус-кво и получить наиболее благоприятный результат для своей национальности.

Руководство республики отнеслось к организационным проблемам подготовки и проведения переписи со всей тщательностью. Оно стремилось сохранить этническую номенклатуру в неизменном виде и в то же самое время получить максимально легитимные данные о численности дагестанских народов. То и другое было необходимо для сохранения внутренней стабильности в республике после многих лет бурных политических баталий, криминального насилия и краткой войны против вторжения вооруженных формирований с территории Чечни осенью 1999 г.

Следует отметить, что сам по себе многоэтничный состав политической элиты республики позволяет обеспечить номенклатурный консерватизм и взаимный контроль над тем, чтобы в ходе переписи не были допущены искажения численности национальностей. Любые действия в этом направлении не могут остаться незамеченными и обязательно вызовут разоблачения и громкие скандалы. Но этот консерватизм и озабоченность стабильностью касаются сложившейся системы распределения власти между 14 группами при доминировании двух самых многочисленных групп – аварцев и даргинцев. Никаких других новых клиентов на место в дагестанской этнической системе появляться не должно. Также нежелательно и перераспределение внутренней иерархии между 14 группами, которое зависит прежде всего от численности группы. Именно здесь случилась основная драма переписи в Дагестане, которая прежде всего привела к серьезной коллизии между властями и академической наукой республики, с одной стороны, и Институтом этнологии и антропологии РАН (ИЭА), с другой, при своего рода промежуточной позиции Госкомстата и правительства России.

Московская этнология и Дагестан. ИЭА РАН имеет большой опыт изучения этнографии Дагестана (Страницы... 1992) и давние научные связи с дагестанскими этнографами и историками. В год переписи в издательстве "Наука" вышел в свет коллективный труд "Народы Дагестана", который был подготовлен совместно с Институтом истории, археологии и антропологии Дагестанского научного центра РАН (Народы Дагестана 2002). В этом труде помимо проблемных разделов по истории, хозяйству, религии, городскому и сельскому населению, культуре содержались историко-этнографические очерки по каждому из народов, написанные ведущими дагестанскими учеными. Структура монографических очерков была построена по принятой в республике классификации народов и малых групп (народностей или "субэтносов"), которые как бы входят в состав этих больших народов или наций. Однако были и отличия от официального списка. Вместо 14 в томе было только 11 очерков первого порядка, ибо четыре группы (агулы, рутульцы, табасаранцы и цахуры) были отнесены к лезгиноязычным народам и помещены в томе как группы "второго уровня", а арчинцы были представлены как самостоятельный народ, а не часть более крупного народа – аварцев. Зато по горским евреям были два отдельных очерка двух разных авторов: в первом очерке излагалась точка зрения, что таты и горские евреи – это разные народы (Ибрагимов 2002: 519–534), а во втором делался вывод, что таты представляют собой часть горских евреев с особым самосознанием (Лузнев 2002: 534–540). В какой-то мере такая презентация этнографических очерков в этом томе была компромиссом со стороны московских специалистов, ибо другой вариант – обычный список без иерархии групп был бы неприемлем для наших коллег в Дагестане, ибо он расходился с официально принятой в республике номенклатурой этнических групп.

Было бы неверно утверждать, что дагестанские власти и академическая наука отрицают существование малых этнических общностей, их этноязыковой отличительности и самобытности. Именно местные ученые в течение нескольких десятилетий проводили этнографические и лингвистические исследования малых культур Дагестана, а в последнее время их вклад превзошел вклад московских и петербургских коллег, которые когда-то были зачинателями научного кавказоведения. Сложившаяся в последние десятилетия схема отражала прежде всего политические установки дагестанских властей, направленные на консолидацию местной этнокультурной мозаики в более крупные социалистические нации, прежде всего за счет включения в состав наиболее многочисленной группы аварцев 14 андо-цезских групп, также проживающих в регионе исторической области – горной Аварии.

К сожалению, доминирующая теория примордиальной этничности не позволяла признать феномен подвижной и сложной идентичности среди дагестанцев, требуя обязательной фиксации эксклюзивной принадлежности только к одной группе, а уже затем отнесение этой группы в состав более крупной общности. Во всех официальных

публикациях, прежде всего в материалах переписей с 1939 г., эти "подгруппы", или "народности", в составе "этносов", или "наций", уже не упоминались. Они как бы исчезли с карты Дагестана и по этой причине их представители не могли претендовать на какие-то особые преференции при решении вопросов распределения власти и ресурсов. Таким образом, советская теория этноса была приспособлена к сложной этнокультурной ситуации путем выстраивания иерархии групп, а не иерархии личностных идентичностей. Эта конструкция отвечала политическим интересам консолидации дагестанского общества на основе признания одних групп в качестве статусных, а других – в качестве сегментов или подразделений этносов. Категория "подразделение этноса" была одной из наиболее распространенных в советской этнографии, и она использовалась во многих случаях при описании этнографических реалий в стране и зарубежном мире (Этнос и его подразделения 1992).

Несмотря на то что более полувека в публикуемых материалах переписей не появлялись малые группы, их культурная отличительность сохранялась, как сохранялась и достаточно четкая этническая идентификация, которая отражалась во время переписей в ходе опроса при ответе людей на вопрос о национальности. Не имея возможности указывать сложную (двойную) национальность (этого не допускала ни теория, ни процедурная практика с ее единичной графой для ответа на вопрос), часть представителей малых групп указывала аварскую или даргинскую национальность, а часть – свою "первичную" национальность, т.е. принадлежность к малой группе. Полной ассимиляции или растворения одной формы идентичности в другой никак не получалось. Например, в переписи 1989 г. указали себя отдельно от "больших наций" следующие носители "малых идентичностей", проживающих в Дагестане: аккинцы (16 131 человек), андийцы (4563), ахвахцы (200), годоберинцы (6), каратинцы (16), кубачинцы (8), хваршины (6), чамалалы (20 человек). Помимо этого в других регионах страны были зафиксированы восемь кубачинцев (в Дагестане ни одного!) и один арчинец. Почти все они указали в качестве родного языка не язык "основной нации", а своей малой группы: 11 112 аккинцев указали аккинский и 4387 – чеченский, 4561 андийцев – андийский и 2 человека – аварский, все ахвахцы и годоберинцы указали родным, соответственно, ахвахский и годоберинский языки, каратинцы "поделались" пополам между каратинским и аварским, 18 чамалалов назвали родным чамалалский и 2 – аварский.

Все эти данные были опубликованы не в официальных материалах переписи, а в брошюре тиражом 400 экземпляров и доступной только узкому кругу специалистов (Численность населения... 1992: 84–85). Не менее интересными были дополнительные данные переписи 1989 г. по родному языку: андийский в качестве родного языка указали 12 029 человек (т.е. почти в 3 раза больше, чем самих андийцев!); появились люди с родным ботлихским (один человек), дидойским (два человека). Все это говорило о том, что несмотря на жесткие установки не записывать и не показывать некоторые группы в ходе переписи, носители малых идентичностей и языков указывали их в переписи и попадали в дополнительные материалы, хотя и не подвергались основной "разработке", т.е. публикации в официальных данных.

Некоторые активисты и даже рядовые жители постоянно выражали недовольство этой формой этнической дискриминации. В адрес Института этнографии еще в советские времена поступало много жалоб от местных общин и представителей интеллигенции. Некоторые представители малочисленных дагестанских народов учились в аспирантуре института и были носителями прямой информации о ситуации. Среди дагестанских ученых, исследовавших малые группы, также проявлялись симпатия и стремление не только изучать, но и сохранять культуру малых бесписьменных народов Дагестана.

Несмотря на последовавший после распада СССР социально-политический кризис, вооруженный сепаратизм в соседней Чечне и этнорелигиозную мобилизацию в борьбе за власть и собственность в ходе приватизации, доминирующие в Дагестане группы

и их политические элиты сумели установить определенный баланс интересов и посредством системы этнического представительства и своего рода коллективного правления контролировать ситуацию в республике. Нападение вооруженных отрядов чеченских сепаратистов и религиозных экстремистов не разъединило, а, наоборот, сплотило население Дагестана. Тем не менее все эти годы укреплялись малые формы этнической идентичности, лояльность по джамаатам и интерес к культурным корням малых общин и народов. Общественные активисты и их спонсоры из числа малых народов поддерживали движения "возрождения". Создавались политические организации, спортивные клубы, землячества и другие неформальные объединения, которые стали подвергать сомнению сформированный режим власти на базе этнического представительства 14 групп, а по сути, двух-трех основных "этнопартий" (аварской, даргинской, кумыкской) (Kisriev 2000).

От имени малых народов и в их среде появились ассоциации, газеты, книги, национально-культурные автономии. В адрес Института этнологии и антропологии накануне переписи пришла копия петиции от имени дидойского народа, которая была направлена президенту страны и главе правительства России. Она содержала требование зафиксировать в переписи дидойцев как самостоятельный этнос. Под петицией стояло более 6 тыс. индивидуальных подписей с указанием адресов и номеров паспортов! Она принималась на заседаниях ряда местных советов. Игнорировать такой документ было невозможно, ибо дидойцы и их язык хорошо известны специалистам, а отсутствие такой большой группы в данных советских переписей – явное нарушение прав. Аналогичное этническое лоббирование наблюдалось и со стороны представителей других дагестанских народов.

Каким же был ответ на эту новую ситуацию у российских этнологов и ведущего научного учреждения – Института этнологии и антропологии? По большому счету размышления научных кадров в Москве было аналогичным размышлениям дагестанских властей и местных ученых: в Дагестане существуют отличительные коллективные общности на основе исторической традиции, языка, культуры и самосознания, а главное – по набору сходных критериев можно точно установить, являются ли они самостоятельными этносами или же они – подразделения этноса. Разница была лишь в том, чтобы признать в качестве самостоятельных не 14, а 30 народов Дагестана (у аварцев "отобрать" 14 андо-цезов и арчинцев, у даргинцев – кайтагцев и кубачинцев).

Длительное подавление малых этнокультурных идентичностей среди дагестанцев в пользу статусных "наций", слабая поддержка в развитии их культуры и языка (андо-цезские народы так и остались бесписьменными), постсоветская этническая активность ("этническое возрождение") и демократизация общественной жизни – все это способствовало тому, что московские этнологи при подготовке новой переписи в новой России выступили сторонниками наиболее полного выражения этнической идентификации граждан и возможности расширить число самостоятельных этнических категорий среди населения по итогам переписи. В подготовленном Институтом этнологии перечне возможных самоназваний и национальностей РФ, а также в списке языков, которые могут встретиться в ходе опроса, были отражены в достаточной полноте все этнические группы, представители которых проживают в Дагестане, а также языки, на которых они разговаривают. В принципе этот список мало чем отличался от предыдущих списков, готовившихся для переписей 1970, 1979, 1989 гг.

Что действительно было отличным от предыдущих переписей, так это предложение опубликовать в итоговых материалах данные по численности и по языку всех (!) групп без переписывания малых народов в состав аварцев и даргинцев, а, значит, и без приписывания их численности к численности аварцев и даргинцев. К тому же эта численность "прибавка" не особенно велика; она все равно не подрывает демографическое лидерство двух первых наций Дагестана, да и не в ней дело. Кстати, в переписи 1926 г., когда еще не началось строительство социалистических наций в Дагестане, данные

были следующими: андо-цезские группы и арчинцы составили 38,6 тыс. человек, аварцы – 138,7 тыс., кайтагцы и кубачинцы – 16,8 тыс., даргинцы – 108,9 тыс. (Всесоюзная перепись... 1928: 342–346, 364). Во всех последующих статистических таблицах по этническому составу населения Дагестана эти цифры 1926 г. давались суммарно как численность аварцев и даргинцев.

Первый вариант списка, подготовленный рабочей группой ИЭА РАН, вообще не предполагал ни введения иерархии групп, ни возможности указывать двойную идентичность. Инновация ввести при опубликовании принцип "группа – подгруппа" появилась позднее и была принята Госкомстатом России и Ученым советом ИЭА РАН на условии общего понимания, что этот принцип будет сохранен вплоть до опубликования окончательных результатов. Однако "группа – подгруппа" касалась только таких хорошо известных случаев, как марийцы (горные марийцы и луговые марийцы), мордва (мордва-эрзя и мордва-мокша), татары (сибирские татары, татары-кряшены, татары-мишари и др.). Вопрос о возможности фиксации двойной идентичности, т.е. двойной национальности, вообще не ставился, ибо он выходил за рамки принятой общественной практики. Таким образом, список представлял собой достаточно серьезный вызов устоявшейся практике, но его реализация была проведена в старом прямолинейном плане: признавать или не признавать в качестве "самостоятельного этноса" ту или иную форму этнической идентичности среди российских граждан?

Дагестан и московская этнология. "Список народов" скоро стал известен в Дагестане, ибо Госкомстат разослал проект документа по субъектам Российской Федерации. Нам не известно, по чьей инициативе, но Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН (ИЯЛИ ДНЦ РАН) подготовил обстоятельное заключение за подписью директора академика Г.Г. Гамзатова и представил его 15 января 2002 г. в Государственный совет и в Народное собрание РД. В нем говорилось, что в проектах перечня национальностей и словаря национальностей и языков России "представлена искаженная картина национальностей и языковой жизни современного Дагестана. Налицо намерение не считаться с реалиями сложившейся в республике этнополитической ситуации, игнорировать объективные научные данные современной этнологии и социолингвистики, реанимировать, консервировать архаический пережиточный уровень общественного сознания. Похоже, что мы имеем дело с позицией, заимствованной из методологических установок переписи 1926 г. и не учитывающей существенные перемены, происшедшие на демографической, этнической и языковой карте республики в течение XX столетия"¹.

Какие конкретно позиции вызвали несогласие со стороны дагестанских ученых? *Первое* – отказ применить в отношении Дагестана методологический принцип "группа – подгруппа" и перечисление всех дагестанских групп по алфавиту среди длинного списка народов России, "хотя именно на этнолингвистической карте Дагестана мы имеем уникальную, устойчивую общность в лице аваро-андо-цезской группы народностей и языков". В заключении говорилось, что

«"аваро-андо-цезы" – это в сущности единый народ, а андийские и цезские народности еще в XVI–XVII вв. сознавали свою историко-культурную общность с аварцами. «Представители всех народностей, составляющих данную общность, будучи носителями языка и культуры своих этносов (!), резонно подчеркивая свою принадлежность к собственной национальности (!), практически свободно владеют и пользуются, начиная с первых классов средней школы, языком "маарул", т.е. аварским, и определенно, не колеблясь, называют себя аварцами – "маарулал". Аварский язык для них уже столетия является языком межэтнического общения». По мнению дагестанских ученых, нет никакой фатальной необходимости "размежевывать, разлучать и отдалять друг от друга народности, находящиеся в генетически родственных отношениях, веками живущими рядом, вместе, общими интересами и образующих неразрывную и столь рациональную и перспективную общность". Поэтому необходимо "все народности, группирующиеся вокруг аварцев, отразить и зафиксировать вместе, в одной блоке, в единой общностной групповой

уязыке". Каждой из народностей должно быть предоставлено право помимо своего родного этноса и материнского языка, указать на свою принадлежность к аварцам».

Второе – несогласие с выделением "в качестве самостоятельных этнических и лингвистических единиц двух диалектов даргинского языка – кайтагцев и кубачинцев, равно как и аккинцев, общепризнанных как диалектное образование чеченского языка". Даргинский язык должен быть представлен диалектными образованиями – акушинским, кайтагским, кубачинским, урахинским и цудахарским.

Третье – несогласие с выделением бесписьменного арчинского языка и его отнесением к лезгинской группе. Аргументы были приведены следующие:

«Длительное пребывание в административных пределах авароязычного региона и постоянном социально-культурном общении с аварским населением, язык арчинцев обрел значительный элемент наслоения аварского языка... Арчинцы всецело приобщились к аварцам, владеют и пользуются аварским языком, считают себя аварцами ("маарулал"). Да и аварцы считают их не иначе, как своими исконными братьями. В сложившихся условиях возникает идея включения бесписьменного арчинского языка в этно-лингвистическую систему аваро-андо-цезской группы».

ИЯЛИ ДН РАН предложил свой проект "Систематического словаря национальностей и языков Республики Дагестан". Его отличие от проектов ИЭА состояло в следующем: 14 андо-цезских народов, включая и арчинцев, перечислены как варианты самоназваний аварцев, которые могут встретиться в переписных листах, а названия их языков отнесено к варианту аварского языка. Среди "основных названий национальностей" (не "названий основных национальностей"!) имелось только 13 названий дагестанских групп (плюс русские).

22 февраля 2002 г. на имя председателя правительства РФ М.М. Касьянова было отправлено письмо за подписью председателя Государственного совета Республики Дагестан М. Магомедова, председателя Народного собрания М. Алиева и главы правительства республики Х. Шихсаидова. Приведем полный текст этого письма:

«В связи с тем, что Государственным комитетом Российской Федерации по статистике представлены в Правительство Российской Федерации проекты "Перечня национальностей для разработки материалов Всероссийской переписи населения 2002 года" и "Систематического словаря национальностей и языков России", подготовленные Институтом этнологии и антропологии Российской Академии наук, руководство Республики Дагестан считает необходимым высказать свое мнение.

По нашему глубокому убеждению, эти документы игнорируют сложившиеся в Дагестане этнополитические реалии, не учитывают существенные перемены на демографической и языковой карте республики, имевшие место в течение XX столетия и направлены на дробление отдельных дагестанских народов на этнические группы. Общественностью республики указанные документы восприняты крайне негативно, так как они могут усилить напряженность, подорвать единство и целостность дагестанского народа.

Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук за последние годы не в первый раз предпринимает шаги по искусственному размежеванию дагестанских народов, находящихся в генетически родственных отношениях, веками живущих рядом и имеющих общие интересы. Такие попытки были сделаны еще в ходе принятия Федерального закона "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации"². Только правильное понимание специфики вопроса Правительством и Федеральным Собранием Российской Федерации предотвратило неминуемые социально-политические потрясения в республике. Известные ученые, духовенство, представители практически всех этнических групп негативно воспринимают такие попытки и надеются, что Правительство Российской Федерации не примет окончательного решения без глубокой экспертизы данного вопроса.

Настоятельно просим Вас, уважаемый Михаил Михайлович, отклонить указанные проекты и учесть предложения Республики Дагестан в ходе подготовки документов по проведению Всероссийской переписи населения и тем самым способствовать сохранению мира и согласия в республике. Наши предложения вытекают из Конституции республики, других нормативно-право-

вых актов, в которых обозначены 14 национальностей и языков Дагестана (аварцы, агулы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, ногайцы, русские, рутульцы, табасараны, таты, цахуры, чеченцы)».

Этот документ был передан из аппарата правительства в Госкомстат России и министру В.Ю. Зорину, которые отвечали за подготовку переписи. Первый заместитель председателя Госкомстата А.Е. Суринов направил письмо председателю Госсовета Дагестана М. Магомедову с заверением, что "публикация данных о национальном составе Республики Дагестан будет осуществляться с учетом перечня национальностей, указанных в постановлении Госсовета Республики Дагестан".

Госкомстат России, Дагестан и московская этнология. Документы из Дагестана поступили и в ИЭА РАН от министра В.Ю. Зорина для подготовки ответа, а также стало известно о письме А.Е. Суринова. Заведующий отделом народов Кавказа чл.-кор. РАН С.А. Арутюнов подверг резкой критике позицию дагестанских этнологов и лингвистов по части отрицания существования отдельных народов и их права так называться и быть зафиксированными в переписи. В институте подготовили письмо, которое 29 марта 2002 г. за подписями В.А. Тишкова и С.А. Арутюнова было отправлено начальнику Управления переписи населения и демографической статистики Госкомстата России И.А. Збарской. Приводим текст этого письма:

«В связи с письмом руководства республики Дагестан и письмом Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН сообщаем следующее. Институт этнологии и антропологии РАН не "предпринимает шаги по искусственному размежеванию дагестанских народов". ИЭА РАН предпринимает и будет предпринимать все усилия для противостояния тенденциям к форсированной и принудительной ассимиляции малочисленных народов Дагестана, имеющих полное право на сохранение своей этнической самобытности. Эти тенденции проявлялись в национальной политике руководства Дагестана в советское время, сохраняются они и сейчас. Нам неизвестно, какое именно понимание специфики вопроса было проявлено правительством РФ в отношении гарантий прав малочисленных народов Дагестана, но если оно свелось к принятию абсурдных претензий дагестанского руководства на признание малочисленными народами РФ 14 конституционных народов Дагестана, в том числе полумиллионных аварцев и 200 тысяч "русских дагестана" и к отказу считать малочисленными народами андийцев, цезов, бежтинцев, арчинцев и других, то такое понимание чревато возникновением множества новых остроконфликтных этнических ситуаций.

Что касается письма, написанного академиком Г.Г. Гамзатовым, то можно сказать следующее. Да, ИЭА базировался прежде всего на установках переписи 1926 г. Это были наиболее научно состоятельные установки. Все последующие переписи страдали от предвзятой политизации, а часто и прямой фальсификации. Все разговоры о курсе на консолидацию, единство, мир и согласие на самом деле не более чем политика, имеющая целью утвердить нынешнее положение с 14 "конституционными народами", по существу прикрывающее господство аварско-даргинского истеблишмента за счет игнорирования прав и интересов еще 14, если не более, не признанных конституцией, но реально существующих малых народов Дагестана. Бесписьменные они лишь потому, что попытки создания их письменности пресекались, но в настоящее время уже буквари для некоторых имеются.

Утверждение, что аваро-андо-цезы суть единый народ – это, мягко говоря, преувеличение. Интервью с представителями этих народов не оставляют сомнений в том, что это особые народы, которые хотели бы в единстве с прочими народами Дагестана развивать свою самобытность. Но им в этом мешает уже упомянутый аварско-даргинский истеблишмент. И понятно, почему. Ведь если позволить андийцам, цезам, ботлихцам заявить свою самостоятельность как народностям, число аварцев уменьшится примерно на 100 тысяч или более человек, а значит, и ослабнет обоснованность их претензий на лидерство. Можно предвидеть, что в нынешнем Дагестане малочисленным народам не то что "будет позволено" называться аварцами, а что будет запущен весь административный ресурс, в ход пойдут шантаж и запугивание, чтобы заставить андийцев, багулалов, годоберинцев, ахвахцев, чамалалов, тиндинцев, бежтинцев, ботлихцев, каратинцев записываться не самими собой, а аварцами. То же самое относится к кубачинцам и к кайтагцам...

Обращаем внимание, что кубачинцы и кайтагцы в прилагаемом словаре отсутствуют вообще, есть только их диалекты. Можно подумать, что урбуган есть одно из самоназваний даргинцев! Предлагаемый словарь-список не подходит для целей переписи. Мы настаиваем на следовании предложенного нами списка, разработанного компетентными специалистами и отражающего этнополитическую и научно объективную реальность».

2 апреля 2002 г. в здании правительства на Краснопресненской набережной состоялось совещание у министра В.Ю. Зорина с членами комиссии по проведению переписи, в котором также участвовали председатель Госкомстата В.Л. Соколин и начальник Департамента экономики и управления собственностью правительства РФ (именно этот департамент в аппарате правительства отвечал за перепись) М.Ю. Копейкин. На этом совещании с участием В.А. Тишкова и заместителя директора ИЭА С.В. Чешко обсуждался вопрос по Дагестану и было решено "оставить без изменений перечисление в Перечне андо-цезских народов, а также кубачинцев и кайтагцев Республики Дагестан". 19 апреля из ИЭА РАН было направлено письма в правительство и в Госкомстат России о несогласии института с позицией Госсовета Дагестана.

На этом предпереписная коллизия, казалось бы, завершилась не в пользу дагестанской стороны. Но это не было концом истории. Уже после проведения переписи, когда началась подготовка к публикации материалов, дагестанское руководство предприняло еще одну попытку провести свою линию в вопросе об этническом составе населения республики. 20 февраля 2004 г. М. Магомедов и М. Алиев направили письмо министру В.Ю. Зорину с категорическим возражением "против искусственного размежевания дагестанских народов, находящихся в генетически родственных отношениях", и с предложением при публикации итогов исходить из порядка, который был использован в исследовании "Народы Дагестана". Однако предложенный в письме перечень отличался от того, который имелся в книге: арчинцы были представлены как подгруппа аварцев, а агулы, рутульцы, табасаранцы, цахуры – не как подгруппы лезгин, а как самостоятельные народы.

Зорин переправил это письмо Соколину "для рассмотрения совместно с Институтом этнологии и антропологии РАН" с просьбой проинформировать авторов обращения о результатах рассмотрения. В начале марта состоялось заседание Ученого совета ИЭА РАН с участием дагестанских ученых, на котором повторно обсуждался вопрос о выделении малочисленных народов в качестве самостоятельных групп. Члены совета категорически высказались против пересмотра ранее принятого решения, и соответствующее письмо было направлено в Госкомстат России. К этому времени уже было известно, что в переписных листах указали свою, а не аварскую, национальную принадлежность 22 тыс. андийцев, 15 тыс. цезов, по 6 тыс. каратинцев, ахвацев и др.

Тем не менее у Зорина в середине марта 2004 г. прошло заседание рабочей группы по подготовке материалов переписи к публикации, на которую специально приехал председатель Народного собрания РД М. Алиев. На этом совещании было принято решение согласиться с позицией руководства Дагестана и не выделять в качестве самостоятельных какие-либо другие группы, кроме 14 официально признанных. Присутствие директора ИЭА на этом совещании было интерпретировано как согласие института на данные изменения. Хотя позиция В.А. Тишкова заключалась в том, что есть решение Ученого совета института и есть его личное мнение как специалиста, которое допускает публикацию дагестанских материалов по принципу "группа – подгруппа" с учетом феномена сложной идентичности и с учетом политической ситуации. Тогда же В.А. Тишковым было заявлено, что в любом случае во всех таблицах должны указываться все группы и их численность. Подобное разъяснение было направлено В.А. Тишковым в Госкомстат России на имя В.Л. Соколина. Но решение в пользу руководства Дагестана уже было принято.

Только Дагестан. Несмотря на все академические баталии и московские правительственные решения, Дагестан провел перепись так, как он это считал нужным. Вернее, как определило это местное руководство и доминирующий истеблишмент. Мониторинг переписи со стороны международного Брауновского проекта в этом регионе фактически не состоялся, в отличие от 20 других регионов, где, невзирая на противодействие местных властей, этнографическое наблюдение за переписью стало возможным. Каковы результаты переписи населения в Дагестане? К сожалению, следует признать, что актуализация вопроса о переписи и дискуссии между Москвой и Дагестаном оказали негативное воздействие в смысле ужесточения установок местных властей и политизации населения вокруг мифической угрозы путем "разъединения народов дестабилизировать Дагестан". В итоге пострадали главным образом результаты опроса населения.

Прежде всего отметим, что, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., численность постоянного населения Дагестана составила 2,57 млн человек. По сравнению с переписью 1989 г., население республики увеличилось на 774,3 тыс., в том числе проживающих в городах на 323,3 тыс., а в сельской местности – на 451,0 тыс. Общее увеличение численности населения с 1989 г. произошло по всем административным районам республики. В Дагестане проживает 1,8% от всего населения Российской Федерации и по численности населения занимает 22-е место. Переписью были зафиксированы представители 121-й национальности (в 1989 г. их было 102). 363 человека обозначили свою национальность этнонимами, отсутствующими в "Алфавитном перечне национальностей и этнических наименований". Только 151 из опрошенных не пожелали указать свою национальную принадлежность. Впервые после дореволюционной переписи 1897 г. были получены данные о "национальности" казаков. В Дагестане посчитали себя таковыми 11 человек. Количество национальностей, численность которых превышает 500 человек, составило 31 (в 1989 г. таких было 29); с численностью свыше 1000 человек – 23 (в 1989 г. – 21); с численностью более 100 тыс. – 8 национальностей (в 1989 г. таких было 5). К этой категории теперь добавились азербайджанцы, лакцы и табасаранцы (Табл. 1).

Как известно, в 1970–1980-е годы заметно возросла миграция дагестанцев за пределы республики. В данном случае под "дагестанцами" мы понимаем национальности, традиционно проживающее в Дагестане и не имеющие в других национальных республиках "титulyного" значения. Высокая миграция за пределы Дагестана у этих национальностей была вызвана, с одной стороны, быстрым ростом численности за счет высокого естественного прироста, а с другой, малоземельем в сельской местности и нехваткой рабочих мест. После распада Советского Союза резко возросла обратная миграция: дагестанцы в условиях социальной дезорганизации и хозяйственного коллапса возвращались на родину. Интенсивность миграции в республике в первой половине 1990-х годов (включая беженцев) в 2,8 раза превышала общероссийский уровень. В итоге среднегодовые темпы прироста населения в Дагестане в 1989–2002 гг. в 2,5 раза превысили этот показатель за 1979–1989 гг. Этот рост обеспечивался главным образом за счет жителей коренных национальностей Дагестана.

С конца 1990-х годов вновь отмечается рост миграции дагестанцев за пределы республики в поисках работы. Хотя данные переписи 2002 г. не отразили в полном объеме эти тенденции, укажем, что численность представителей дагестанских национальностей, проживающих в Российской Федерации за пределами Дагестана, выросла за межпереписной период на 19% и составила почти 380 тыс. человек. Доля живущих за пределами республики в общей численности "дагестанцев", по сравнению с данными 1989 г., уменьшилась до 14,5% (Табл. 2).

Данные по некоторым нестатусным народам оказались сильно искаженными. Если верить переписи, то одна этническая группа вообще исчезла из числа регистрируемых: в графе "национальности" по Дагестану полностью выпали ботлихцы. Ни один

Таблица 1

Численность национальностей Республики Дагестан, 2002 г.

Национальность	Человек	%	Национальность	Человек	%
Все население	2576531	100	21. Даргинцы	425526	16,5
В том числе:			Из них:		
1. Аварцы	758438	29,4	22. <i>Кайтагцы</i>	4	0,00
из них:			23. <i>Кубачинцы</i>	57	0,00
2. <i>Андийцы</i>	21270	0,8	24. Евреи	1478	0,06
3. <i>Арчинцы</i>	7	0,0	25. Евреи горские*	1066	0,04
4. <i>Ахвахцы</i>	6362	0,25	26. Казахи	619	0,02
5. <i>Багулалы</i>	18	0,0	27. Кумыки	365804	14,2
6. <i>Бежтинцы</i>	6184	0,24	28. Лакцы	139732	5,4
7. <i>Ботлихцы</i>	–	–	29. Лезгины	336698	13,1
8. <i>Гинухцы</i>	525	0,02	30. Ногайцы	38168	1,5
9. <i>Годоберинцы</i>	2	0,00	31. Осетины	897	0,03
10. <i>Гунзибцы</i>	972	0,04	32. Персы	719	0,0
11. <i>Дидойцы</i>	15176	0,59	33. Русские	120875	4,7
12. <i>Каратинцы</i>	6019	0,23	34. Рутульцы	24298	0,9
13. <i>Тиндалы</i>	33	0,00	35. Табасараны	110152	4,3
14. <i>Хваршины</i>	107	0,00	36. Татары	4659	0,2
15. <i>Чамалалы</i>	3	0,00	37. Таты*	825	0,03
16. Агулы	23314	0,9	38. Украинцы	2869	0,1
17. Азербайджанцы	111656	4,3	39. Цахуры	8168	0,3
18. Армяне	5702	0,2	40. Чеченцы	87867	3,4
19. Белорусы	547	0,02	Из них:		
20. Грузины	876	0,03	41. <i>Чеченцы-аккинцы</i>	116	0,00

Примечание. В таблице выделены полужирным шрифтом "национальности Дагестана"; этнические общности в составе этих национальностей даны курсивом, а из числа "других" национальностей приводятся только те, численность которых превышает 500 человек. На долю указанных в таблице национальностей приходится 97,8% населения республики.

* В Дагестане "горские евреи" и "таты" считаются одним народом.

из опрошенных не назвал себя этим этнонимом. Между тем перепись зарегистрировала знание ботлихского языка у 54 опрошенных. Разумеется, действительное знание этого языка, по меньшей мере, на порядок выше; в одном только горном сел. Ботлих проживает не менее 2,5 тыс. жителей.

Сопоставление данных о "национальности" и знании одноименного языка позволяет в некоторой степени, но далеко не в полной, представить степень искажения реальной картины, полученной в ходе переписи. Так, к самой крупной группе в составе аварцев – андийцам – отнесли себя 21 270 человек, а знающих андийский язык указали 23 039 человек. Здесь, как видим, не оказалось существенного расхождения данных, но и они свидетельствуют о том, что около 2 тыс. знающих язык не назвали себя "андийцами" по национальности. Кроме того, по сведениям экспертов, в действительности численность андийцев в Дагестане составляет около 40 тыс. (Табл. 3).

Таблица 2

**Наиболее многочисленные национальности в России и Дагестане на 2002 г.
(в сравнении с 1989 г.)**

Национальность	Человек		% к 1989 г.	
	Россия	Дагестан	Россия	Дагестан
Все население	145 166 731	2 576 531	98,7	143,0
В том числе:				
Аварцы	814 473	758 438	149,7	152,9
Агулы	28 297	23 314	159,6	169,1
Азербайджанцы	621 840	111 656	185,1	148,0
Армяне	1 130 491	5 702	212,3	91,1
Белорусы	807 970	547	67,0	38,9
Грузины	1 979 34	876	151,5	95,5
Даргинцы	510 156	425 526	144,4	151,7
Евреи	229 938	1 478	42,8	15,7
Евреи горские	3 394	1 066	30,1	29,2
Казахи	653 962	619	102,8	74,3
Кумыки	422 409	365 804	152,4	157,8
Лакцы	156 545	139 732	147,3	152,4
Лезгины	411 535	336 698	160,0	164,8
Ногайцы	90 666	38 168	123,0	134,9
Осетины	514 875	897	128,0	75,1
Персы	3 821	719	148,6	139,1
Русские	11 588 910 7	120 875	96,7	72,8
Рутульцы	29 929	24 298	153,5	162,5
Табасараны	131 785	110 152	141,8	140,9
Татары	5 554 601	4 659	100,66	85,9
Таты	2 303	825	11,9	6,4
Украинцы	2 942 961	2 869	67,5	35,5
Цахуры	10 366	8 168	159,7	157,3
Чеченцы	1 360 253	87 867	151,3	151,8

Как правило, экспертные оценки намного превышают данные переписи. Однако так получалось не всегда. Например, по мнению дагестанских этнографов, численность дидойцев (цезов) составляет сейчас около 8 тыс. человек, однако данные переписи показали, что только назвавших себя "по национальности" дидойцами оказалось более 15 тыс., а знающих одноименный язык – на несколько десятков человек больше. Перепись практически элиминировала кайтагцев (4 человека), чамалалов (3), багулалов (18), годоберинцев (2), арчинцев (7), тиндалов (33 человека). Численность кубачинцев (в джамаате всемирно известных златокузнецов Кубачи сейчас проживает около 2 тыс.), по данным переписи, составляет всего 57 человек.

Вопросы языка. Языки дагестанских национальностей принадлежат к трем языковым семьям: нахско-дагестанская ветвь северокавказской семьи языков (аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы, табасаранцы, рутульцы, агулы, цахуры, чеченцы); тюркские языки (кумыки, азербайджанцы, ногайцы, татары); индоевропейская языковая семья (русские, украинцы, белорусы, евреи, горские евреи/таты, армяне). На долю указанных носителей языков приходится 99,9% населения Дагестана. Проблематика, связан-

Таблица 3

Численность национальностей в Дагестане (перепись 2002 г. и оценка)

Этническая группа	Численность	Число владеющих языком	Оценка по книге "Народы Дагестана"
Аварцы	758438	741812	
Андийцы	21270	23039	около 40000
Арчинцы	7	125	1200
Ахвахцы	6362	5740	более 6000
Багуалы	18	30	более 5000
Бежтинцы	6184	6413	6500
Ботлихцы	–	54	4500
Гинухцы	525	522	менее 1000
Годоберинцы	2	20	около 4000
Гунзибцы	972	1813	около 800
Дидойцы (цезы)	15176	15259	около 8000
Каратинцы	6019	6528	около 7500
Тиндалы	33	579	около 10000
Хваршинцы	107	538	2500
Чамалалы	3	354	около 10000
Даргинцы	425526	429347	
Кайтагцы	4	–	нет оценки
Кубачинцы	57	–	2300

ная с дагестанскими языками, чрезвычайно сложна и запутана. В Конституции РД не дается перечисления "дагестанских языков" и не установлен какой-либо официальный языковой статус. Это обусловлено не столько пренебрежением к этим вопросам, сколько слишком высокой их значимостью. Дело в том, что любая попытка создания законодательно закрепленного перечня народов и языков неизбежно вызовет волну взаимоисключающих протестов, а также принципиально неразрешимые споры. Разговоры о необходимости закона о языках в Дагестане никак не могут перейти в практическое русло. Причины этого ясны всем здравомыслящим дагестанским политикам, но они публично не высказываются. Дело в том, что такой закон неизбежно потребует составления полного (закрытого) списка дагестанских языков. Уже одно это способно спровоцировать многообразные общественные инициативы в этой области и проекты, реализация которых неизменно заведет ситуацию в тупик. Кроме того, обеспечиваемые законом "права и гарантии для национальных языков" вызовут на практике множество неразрешимых правовых коллизий.

Что обуславливает трудности, связанные с языковой ситуацией? Прежде всего то, что языков так много, что до сих пор нет полной определенности, сколько же их на самом деле. В подготовленном ИЭА РАН документе "Перечень и коды национальностей, народностей, этнических групп и языков", предназначенном для регистрации языков в предстоящей переписи населения, числятся 36 дагестанских языков: **аварский***, андийский, арчинский, ахвахский, бежтинский, ботлихский, гинухский, годоберинский, гунзибский, каратинский, квандинский, тиндинский, тлибишо-тлссинский,

* Выделенные полужирным шрифтом – языки "основных" народов Дагестана. Обычным шрифтом обозначены языки народов, которые имеют в лингвистике самостоятельный статус, но "этнически" их носители причисляются к родственным аварцам или даргинцам. Курсивом указаны языки, носители которых проживают в Северном Азербайджане, но принадлежат к лезгинской языковой группе (носители этих языков, проживающие в Дагестане, не могут быть отнесены к "недагестанским национальностям").

хваршинский, хунзальский, цезский (дидойский), чамалинский, чамалальский, агульский, даргинский, кайтагский, кубачинский, татский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, русский, рутульский, табасаранский, цахурский, чеченский, азербайджанский, кризский, удинский, хиналугский.

Если сравнить этот список со списком, предложенным ИЯЛИ ДНЦ РАН, то обнаружится, что в нем среди языков народов, относящихся к аварской национальности, из 18 совпадают только 14 языков. В местном списке добавлен багвалинский язык, но отсутствуют квандинский, тлибишо-тлссинский, хунзальский и чамалальский. В этом списке отсутствуют также языки кубачинский и кайтагский, которые представлены в списке ИЭА РАН. В "Перечень народов и языков" Института этнологии и антропологии включен еще один язык лезгинской языковой группы – будухский. Но в этом списке нет национальности "таты", а вместо них представлена графа "евреи горские (включая татов)" и, соответственно, язык – татский. Таким образом, национальность, которая в Дагестане "официально" присутствует во вкладышах к паспорту и для представителей которой издаются на татском литературном языке художественные произведения, идут радиопрограммы и выпускаются газеты, оказалась не представленной отдельной графой, а объединена с "горскими евреями" – проблематичной для Дагестана национальностью. Однако нужно учесть, что список ИЭА РАН составлялся для всей страны (в переписи не может быть отдельного списка для одного из регионов), а проживающие за пределами мусульманских регионов представители этой группы называют себя как татами, так и горскими евреями.

Многие дагестанские языки имеют столь специфические диалекты, что это осложняет развитие общего литературного языка этих народов. Так, у аварцев, в узком смысле этого этнонима, исключаящего, по меньшей мере, 14 самостоятельных в языковом отношении групп, есть еще семь отчетливых диалектов: *хунзахский, анцухский, андалальский, карахский, салатавский, гидский и батлухский*. Правда, в данном случае хунзахский диалект аварского языка уже более 300 лет служил для всего Внутреннего Дагестана ("Аварии") так называемым общевоинским языком (*болмац* – язык войска). Поэтому не только аварцы в узком смысле слова, но и все аварцы, т.е. и 14 групп со своими языками, до сих пор хорошо знают язык Хунзаха. Именно болмац – койне для жителей всего "Аваристана" – до настоящего времени воздействует на этническую идентификацию народов, называющих себя аварцами.

Серьезное внимание дагестанцы уделяют также знанию русского языка, который открывает для них возможности эффективной социальной мобильности – как горизонтальной, так и вертикальной. Русский язык является в Дагестане не просто "языком межнационального общения", а, по сути, основным языком республики, который обеспечивает общественно-политическую жизнь, науку и основную долю культурной жизни дагестанского общества. Абсолютное большинство жителей Дагестана указали в переписи, что они знают русский язык. Это действительно отражает реальность, хотя русскоязычным и образованным гражданам может показаться, что у многих жителей горных районов знание русского оставляет желать лучшего.

В Махачкале по наблюдениям и оценкам экспертов значительная часть населения плохо знает или вовсе не знает свой родной (национальный) язык. В этой связи было важно установить, как будет решаться вопрос со знанием языка собственной национальности в ходе переписи. Большинство переписчиков, с которыми было проведено интервью после завершения их работы, не зафиксировало никаких сложностей по этому пункту. Некоторые из них отметили случаи, когда опрашиваемые говорили, что не знают языка своей национальности, но настаивали, чтобы в переписи было записано, будто они "знают свой родной язык". На вопрос «Зачем писать "знаю", если не знаешь?», отвечали, как правило: "Могут отнести меня к русским по национальности, если я знаю русский, а своего языка не знаю", или "не хочу, чтобы у нашей национальности оказался более высокий процент незнающих свой язык, чем у других народов".

Следует отметить, что в дагестанском обществе наблюдается пренебрежение к углубленному изучению своих национальных языков. Однако факт плохого знания родного языка, как правило, не признается, а разговоры на эту тему считаются неприличными. К сожалению, перепись не зафиксировала тенденцию к реальной языковой ассимиляции в пользу русского языка, ибо данные по родному языку выглядят вполне благополучно: почти все указали язык своей национальности в графе "Какими иными языками владеете?". На самом деле эти данные ничего не говорят о степени сохранности и использования дагестанских языков по причине инерционного понимания, что "родной язык" – это язык, совпадающий с национальностью, а также в силу восприятия этого вопроса не как вопроса об языковой компетенции, а как вопроса, уточняющего этническую идентичность.

Это старое понимание было навязано эмоциональным и политизированным давлением со стороны части ученых и политиков³. Поправка Госкомстата, сделанная в последний момент перед переписью, рекомендовала использовать первую строку из трех возможных в ответе на вопрос "Какими иными языками владеете?" для указания "родного языка" без уточнения его знания. Естественно, что большинство опрошенных указало язык своей национальности безотносительно компетенции. В итоге данные по языкам могут быть использованы только как дополнительная корректива в выявлении вопросов идентичности, но не для выявления языковой ситуации.

Дагестан и перепись между прошлым и будущим. Напомним, что неписанный порядок соблюдения этнического баланса в распределении властных позиций в республике несет важную функцию и является давней политической традицией. Начиная с 1948 г. в Дагестане образовывались следующие последовательно сменяющиеся правящие "тройки" (первый секретарь компартии, глава правительства, глава парламента): 1) аварец – лезгин – кумык, 2) аварец – даргинец – кумык, 3) даргинец – кумык – аварец, 4) даргинец – аварец – кумык, 5) аварец – кумык – даргинец. В последние годы высшие должности в Дагестане неизменно доставались представителям трех самых крупных по численности народов – аварцам, даргинцам, кумыкам. Вопросы этнического распределения власти все больше и больше привлекают к себе внимание главным образом со стороны представителей политической, хозяйственной и творческой элиты дагестанского общества. Часто карьерная борьба высокопоставленных республиканских деятелей приобретает характер скрытой "борьбы народов". Численность народа оказывается важным показателем уровня социально легитимных претензий представителей той или иной национальности при кадровых решениях почти во всех сферах жизни, начиная с формирования состава руководящих структур власти до приема в аспирантуру, списков награждаемых или премируемых лиц.

В постсоветский период ситуация не изменилась. В настоящее время президент республики – аварец М. Алиев, председатель парламента – даргинец М. Сулейманов, председатель правительства – кумык Ш. Зайналов. В этой связи общественный интерес и озабоченность в среде элиты вызывали возможные перестановки в "табели о рангах" в связи с изменениями в количественных соотношениях народов Дагестана, которые предсказывали некоторые эксперты. Так, были прогнозы, что численность лезгин, по новой переписи, может превысить численность кумыков. Если учесть, что кумыки – третий по величине народ (а это обстоятельство увязывается с тем, что один из трех высших республиканских постов обязательно должен быть занят кумыком), то станет понятным, какие чувства общественного звучания могли возникнуть, если по итогам новой переписи кумыки с третьего места перешли бы на четвертое.

Кумыки и лезгины – две национальности, численность которых в последние годы заметно сближалась: лезгины догоняли по численности кумыков. Здесь не место подробно останавливаться на причинах этих демографических изменений. Укажем лишь на то, что уровень рождаемости у лезгин выше, но важнее другие демографические тенденции. Дело в том, что в целом по бывшему СССР лезгин значительно больше,

чем кумыков. По переписи 1979 г. лезгин в Дагестане было на 27 тыс. человек меньше, чем кумыков. Вместе с тем в СССР лезгин было на 184,1 тыс. больше. В 1989 г. кумыков в Дагестане было уже только на 16,8 тыс. больше, чем лезгин. Социально-политическая ситуация привела к тому, что лезгины начали возвращаться в свою республику. Так, события в западном Казахстане, а именно беспорядки в нефтеносной Гурьевской обл., привели к тому, что около 10 тыс. лезгин были вынуждены бросить жилье, работу и переехать в Дагестан. Важным фактором увеличения численности лезгин в республике стал поток миграции из Азербайджана.

На количественной шкале народов отражались и другие перестановки. Так, предполагалось, что лакцев станет меньше, чем табасаранцев и что численность чеченцев может превысить численность лакцев и табасаранцев. Еще несколько лет назад чеченцев-аккинцев в Дагестане было в 2 раза меньше, чем лакцев. Теперь же, в связи с войнами и вызванными ими миграциями, численность чеченцев в Дагестане значительно возросла и могла превысить также численность и дагестанских русских. Все это обязательно должно было бы иметь политические проекции. Итоги переписи не подтвердили эти прогнозы-опасения. На ранжированной шкале численности дагестанских народов изменений не произошло. Что это – ошибка экспертов и неоправданные ожидания этнических активистов или же хорошо режиссированная процедура переписи, сверхзадачей которой было не допустить изменения устраивающего основных акторов статус-кво? Пока на этот вопрос ответить невозможно. Однако ясно, что будущее Дагестана – в снижении значимости этнических границ и в признании этнокультурного разнообразия при одновременном поощрении кроссэтнических коалиций и общедагестанской идентичности. Одной из важных стратегий достижения этого результата может быть изменение системы фиксации идентичности в ходе переписи населения в пользу возможности для индивида указывать множественную идентификацию.

Если бы с самого начала признавалась двойная идентичность по "большой" и "малой" общности, к которым относят себя многие дагестанцы, то можно было бы получить достоверные данные об этнокультурных идентификациях среди дагестанского народа. Однако требования "выделить" и "сохранить" их в качестве самостоятельных "национальностей" привели к противоположному результату. Эти политические требования и поддерживающие их научные установки попали в поле властных взаимоотношений и политической борьбы. Они были истолкованы как стремление уменьшить численность двух самых многочисленных народов Дагестана – аварцев и даргинцев. В условиях жесткой политической конкуренции между группировками элит такие требования с неизбежностью должны были встретить сопротивление не только со стороны отдельных активистов. Эти требования получили резонанс в широких общественных кругах и вызвали реактивную консолидацию вокруг доминирующих в Дагестане групп. Специально распространялся миф, что в Москве ученые и политики задумали расколоть Дагестан и вызвать его дестабилизацию, что многими воспринималось как необходимость подтвердить свою аварско-даргинскую и общедагестанскую лояльность. Таким образом, вмешательство ученых по мотивам научной объективности и демократических перемен способствовало сохранению этнократического характера власти в Дагестане посредством сохраняющегося отрицания его этнического многообразия.

Примечания

¹ Здесь и далее переписка цитируется по документам в текущем архиве Института этнологии и антропологии РАН и директора института В.А. Тишкова.

² Этот закон принимался в 1999 г. с участием экспертов института и при составлении списка народов численностью до 50 тыс. было предложено включить малые народы Дагестана. Руководство Дагестана добилось включения в текст закона положения о том, что перечень корен-

